

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ .

Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ.

«Ты гуди-ко, мой звучень голосъ!
«Позвончѣ ты вызванивай!..
«Погромчѣ выговаривай!»..

(Народная поэзія. Причеты).

Велика была бѣда каргопольскому населенію въ началѣ XVII вѣка (1612—1619 гг.) отъ нахлынувшихъ на край его разбойниковъ, которые, обирая животы (имущество), не щадили жизни обывателей, ругаясь надъ всѣмъ, что было дорого и свято сердцу Русскаго... Но та бѣда была вещественная, такъ сказать тѣлесная... Она не отнимала у темнаго народа его не многихъ вѣрованій, переищенныхъ съ суевѣріемъ, освященныхъ вѣками да тьмой невѣжества... И, какъ ни надругались надъ нимъ и некрещеная «Татарва», и папистская Литва, и не только надъ народомъ, но и надъ Св. храмами и иконами ¹⁾, все таки не посягали они отнять у него вѣру «крестьянскую»,—а навязать свою «басурманскую», иль римскую-латинскую... по крайней мѣрѣ, не встрѣчается тому доказательствъ...

Прошло съ тѣхъ поръ почти полъ вѣка: позажили раны нестерпимыя, позгладились изъ памяти раздрающія картины прошлаго, какъ вдругъ—нежданно, негаданно понагринула бѣда новая, несравненно больше прежнія, изъ той ли Москвы да бѣлокаменной, вмѣстѣ съ сильнымъ Павломъ Коложенскимъ (сосланнымъ въ Олонію, послѣ собора 1654 г.)... Первая бѣда продолжалась 3 года, по мѣстамъ затанувшись лѣтъ на 9, когда били мучили, убивали и грабили безнаказанно, но и безъ согласія и вѣдома Московскихъ властей ²⁾; вторая же бѣда продолжилась повсемѣстно почти на цѣлую сотню лѣтъ, также ни щадя ни поля, ни возраста... но уже съ приказа Москвы бѣлокаменной... Какъ огненная рѣка бурнымъ потокомъ, мгновенно пронеслась она изъ края въ край; и вдаль, и въ ширь—во всѣ стороны, съ трескомъ, шумомъ лютостью зельною зажгла—запалила,—не дѣса, дома и селенія, а чуткія сердца чело-вѣческія, забралась она и въ хоромы богатыхъ и въ хижинны убогія, навела печаль, засушила мозгъ, ввела въ думушку тяжелую... Не было, кажется, такой хоромины, гдѣ бы не думали да думы крѣпкія, о новой яко бы вѣрѣ и книгахъ Никона—того санаго, что недавно шелъ отъ моря, съ мощами Филиппа угодника (въ 1652 г.)... Они сами его видѣли... Всѣ были заняты такими мыслями печальными—чернецы и настоятели, попы, крестьяне п купечество...—Между тѣмъ Соловецкіе бѣлые иноки не зѣвали: ловили рыбку въ мутной водѣ, подливая масла въ огонь—распространяя

^{1—2)} См. мою «Исторію Челмонской пустыни», въ «Христіанск. Читеніи». 1889 г. № 7—8, стр. 229—230.

всюду пожараще... Своими вкрадчивыми рѣчами и доводами они всёхъ сводили съ разума,—чему служить доказательствомъ и челобитныя ихъ соловецкихъ собратовъ... Стара вѣра, говорятъ, переиѣнена; новыя книги, говорятъ, перепорчены... Но бѣда минныхъ и дѣйствительныхъ нововведеній была еще тѣмъ болѣе невыносимою и ужасною, что шествовала со всѣми ужасами мученій, казней, ссылки... Вдругъ отнимали у человека все, не только его имущество, родню, но даже—жизнь, а съ нею вѣстѣ и вѣрованія, чего не было и при лже-дмитріяхъ!..—Не имѣя ни малѣйшаго понятія отличить важное отъ ничтожнаго: догматъ отъ обряда, обязательность заповѣди Евангелія отъ какого либо хожденія по-солонь предки наши и, даже лучшіе изъ нихъ пришли въ ужасъ отъ бросающихся въ глаза якобы новшествъ... Болѣе шести съ половиною вѣковъ—думали и говорили они—благочестивые Россіяне читали, пѣли—молилися по книгамъ—письменнымъ, не подозрѣвая искаженій... и, вдругъ такая новость ужасная: тѣ книги, говорятъ, перепорчены... Да и новыя, оказывались съ измѣненіемъ... (Даже современные каноники вѣвской печати разногласятъ, въ нѣкоторыхъ словахъ, съ московскими... Это мы можемъ доказать)... Ничѣмъ необъяснимая и неоправдываемая поспѣшность печатанія новыхъ, при Никонѣ, книгъ, съ различными разночтеніями, не согласными съ тѣми же Никоновыми книгами, вышедшими раньше или послѣ—неволью наводила на размышленія самыхъ разсудительныхъ людей, что въ свое время было указано знаменитыми поморскими отвѣтами, и повторено, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ духовныхъ изданіяхъ... А тутъ, какъ нарочно, тѣ немногіе пастыри, знавшіе суть дѣла, не хотѣли съ христіанскою кротостію объяснять пасомымъ этихъ разностей... При этомъ замѣчательно, что почти всё обличители раскола, древнѣйшіе, начиная съ составителей «Жезла»—этого перваго обличительнаго акта, и позднѣйшіе (за исключеніемъ, конечно, новѣйшихъ), какъ бы сговорившись, въ обличеніяхъ своихъ противъ такъ называемыхъ «старообрядцевъ», употребляли ругательные слова,—что служило только къ большому ожесточенію послѣднихъ, а уже ни какъ не къ вразумленію... Нѣкоторые же изъ пастырей такъ и ругались то не по церковному, а чисто по площадному... Чтобъ не обвинили насъ въ голословности указываемъ «Обличеніе неправды раскольническія» («Поморскихъ отвѣтовъ») Феофилакта Тверскаго, во коемъ встрѣчаются между прочими, слѣдующія слова: «на прельщеніе русскаго, варварскаго грубаго народа»... ¹⁾ Да и во многихъ мѣстахъ тяжело обзывается русскій народъ, въ родѣ: «дураки, русаки невѣжды, русакъ», что весьма оскорбительно для народнаго чувства!.. Епископъ, какъ истый малороссъ, ко всему великорусскому дышалъ ненавистью и презрѣніемъ, находя, вѣроятно, уницами латинянъ, Хохловъ, да лукавыхъ Грековъ и, не хотя вникнуть въ ширь и глубь отеческихъ писаній, ограничивался верхоглядствомъ да выходками, въ родѣ: «Пропади, плуть»!.. ²⁾ О старонарѣчныхъ книгахъ выразился: «то отъ русскихъ старогадскихъ и старопечатныхъ книгъ взято»... ³⁾ Возмутительнѣе сего обличенія мы не встрѣчали. Почти первымъ изъ русскихъ пастырей заговорилъ съ заблуждающими языкомъ кротости Платонъ, митрополитъ московскій, въ своемъ «Увѣщаніи къ Раскольникамъ», 1765 г., т. е. почти ровно 100 спустя послѣ возникновенія раскола... Хотя—раньше его и говорилъ нѣсколько смягченнымъ тономъ Питиримъ, епископъ Нижегородскій, въ своей «Працицѣ», какъ

¹⁾ Листъ 18, на оборотѣ.

²⁾ Листъ 23 на обор.

³⁾ Листъ 33 на обор. Или вотъ еще цѣточекъ: Въ разсужденіи 5-мъ «О св. Иконахъ», ст. 20, показаніи 1-мъ поморцы ссылаются на Патриарха Іоакима, запрещающаго латинскихъ переводовъ иконы писать: Богородицу съ непокровенною главою. Феофилактъ на 21-мъ листѣ отвѣчаетъ: «Іоакимъ патриархъ московскій, буде онъ таковой завѣтъ написалъ, явно себе показалъ равнителемъ русскихъ деревенскихъ мужичиныхъ азбобоновъ, по которымъ женѣ мужатой не возможно ни къ кому явиться непокровенною главою, и тѣмъ не доволенъ, захотѣлъ еще и Божию Матерь тому же деревенскому мужичію закону подчинити и писать ея образъ по подобію русскихъ бабицъ. Развѣ не вѣдалъ, что Богородица по росейскія породы была»... Но и Феофилактъ въ запальчивости своей забылъ, что эти «азбобоны» уставили не «дураки русаки», а еще апостолъ Павелъ и вѣроятно на основаніи обычая, существовавшаго у Евреевъ...

самъ вышедшій изъ раскольниковскаго заблужденія... И такъ пастыри—меньшинство—не хотѣло съ христіанскою кротостію объяснять пасомымъ книжныхъ разностей, большинство же и само ничего въ нихъ не смыслило и, почти всѣ они, какъ истые наемники вмѣсто слова увѣщанія, схватились—конечно посредствомъ гражданской власти—за цѣпи, кнутъ и мученія, ссылки, казни; срубы огнены... и этими противно-христіанскими, варварскими, безчеловѣчными мѣрами мечтали прекратить отпаденіе отъ Церкви... Опять безъ причины потокомъ полилась кровь русская христіанская отъ своихъ же собратьевъ и пастырей, обязанныхъ душу полагать за овецъ своихъ, и обагрила стогны градскія и дремучіе лѣса непроходимыя... «О немилостиваго діянія крове!—говоритъ олонекій раскольниковскій писатель—не къ тому проповѣдашеся восточный законъ благодатный, но западный—ратный. Всюду бо мучительства мечъ, обогранный кровію неповинною... видяшеся; всюду плачь, и вопль, и стонаніе; вся темяны во градѣхъ и въ селѣхъ наполнишася христіанъ... Вездѣ чѣши бряцаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію служяху, вездѣ бичи и желіе въ крови исповѣднической повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыхъ новинъ яростію и гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа, дыхаху: біеніемъ и ранами, а не благодатію Христовою увѣщаваху, лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привоздаху. И отъ таковаго насильствованнаго лютаго мучительства обліахуся вся гради кровію, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... Ови мечи усѣкаеми, ови же огнемъ сожитаеми, и инѣи инако скончаеваемы, чесо ради?» вопрошаетъ «старобрядецъ».—Да ради обрядовъ—отвѣчаемъ мы—маловажность и измѣняемость которыхъ сознавали сами гонители—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—однако не хотѣли уступить... «Новое убо есть ученіе Никоново—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ив. Филипповъ—сего ради и нравъ учителей новый, не словомъ бо, солию раствореннымъ по Апостолу, поучаютъ, но мечемъ остримъ и блещашимся... И бысть тогда лютое гоненіе и не милостивое неповинныхъ мучительство. Всюду плачь, вопль и стонаніе слышашеся и на всякой души страхъ и колебаніе, и ужась. Отъ лютаго гоненія и мучительства мнози людѣ, дома своя покидающе, бѣгаху...¹⁾ Изъ бѣжавшихъ каргопольцевъ извѣстны: посадскій человекъ Василій Быковъ, въ раскольниковскомъ иночествѣ—Варлаамъ, изъ поселянъ: Ловзунскаго прих., чернецъ Іосифъ²⁾, Кенорецкаго,—д. Кузминской Григорій Андреевъ...³⁾ Конечно, это только одна капля того необъятнаго моря, которое «побѣже»...

За то въ настоящее время являются у насъ такіе проповѣдники, кои не стыдятся утверждать не на единѣ, а во всеуслышаніе,—что у насъ «были только» будто бы однѣ «попытки (а не самыя гоненія) вразумленія карательными мѣрами»... «попытки», когда замучивали въ пыткахъ, живьемъ сжигали въ срубкахъ, отрѣзали языки, гноили въ земляныхъ тюрьмахъ... а о ссылкахъ, и не говорить... Не даромъ же выразился знаменитый Авакумъ: «не по што намъ ходитъ въ Персиду мучиться... дома Вавилонъ нажили»!..

Однако, не смотря на всѣ ужасы мученій казней, не было, кажется, на всемъ сѣверѣ обители иноческой, гдѣ бы явно или тайно не сочувствовали такъ называемому—одними—«расколу», другими—«благочестію»... Мы уже не упоминаемъ о Соловецкомъ монастырѣ, какъ не входившемъ въ уздѣ Каргопольскій, сважемъ только, что Каргопольскаго Спаскаго монастыря игуменъ Евфимій (1663—1671 гг.), служа тогда поповскимъ старостомъ, благочиннымъ по нынѣшнему, былъ оборонителемъ и пристанодержателемъ бѣглыхъ соловецкихъ чернецовъ, разсыпавшихся по всему свѣту: «Любилъ же старое благочестіе—говорится о немъ въ житіи раскольниковскаго инока Корнилія выговскаго—и служилъ по старому все. У него же Евфимія кряхуся соловецкіе старцы Игнатій да Германъ, иже въ Палеостровѣ сожжены быша, да старецъ Іосифъ

¹⁾ Исторія Выговской пустыни, Ив. Филип. стр. 25, 26, 36.

²⁾ Тамъ-же стр. 124—126, 67—70, 74—76.

³⁾ «Олонекія Губернскія Вѣдомости» 1878 года № 57.

ожженъ въ Пудоги; и иныхъ человекъ съ восемь, всѣ жили у Евфимія игумена, въ коварной келіи не мало время пребыша»¹⁾. Эти расколоучители, конечно, знали почти всѣ разночтенія въ книгахъ до—Никоновскихъ (разумѣется, печатныхъ) и Никоновскихъ и потому не опускали случая сѣять свои плевелы во всей странѣ сѣверной, которая прозябла, выросли и принесли сторичные плоды, продолжая свои урожаи и до настоящаго времени... Такъ, напримѣръ, о названномъ Игнатіи говорили будто бы его противники: «Игнатій Соловецкій — сосудъ полный мудрости и нагнѣтенъ есть». Онъ утвердилъ стоять въ расколѣ всѣ Олоонецкія и Каргопольскія страны и населилъ жителями непроходимыя пустынные выгорѣвшія дебри...»²⁾ Одинъ такой расколоучитель могъ сдѣлать болѣе цѣлой сотни поповъ, великороссійскихъ, ничего по этому предмету не знавшихъ и не дѣлавшихъ... Въ другихъ иноческихъ Каргопольскихъ обителяхъ, напримѣръ, Козлозерской монахи по прежнему продолжали отправлять службу по старонарѣчнымъ же книгамъ...³⁾ Коозерскимъ же настоятелямъ такъ понравился расколъ, что они, подобно Соловецкимъ инокамъ, нашли удобнымъ и возможнымъ ослушаться грамоты даже самого собора Московскаго, относительно высылки чернеца Боголѣна...⁴⁾ «Не найдуть, молъ, насъ въ лѣсной глуши», вѣроятно думали они. А строитель Елгомской пустыни, монахъ Гавриилъ съ 15 человекъми мирянъ подвергъ себя самосожженію...⁵⁾ Но и попы также не отставали отъ чернецовъ, тайно и явно сочувствуя расколу: въ XVII вѣкѣ напримѣръ Троицкой волости попъ Ив. Акимовъ доносилъ на поповъ — Архангельской волости Григорія Самойлова и Ошевенской (Огнескаго-Богоявленскаго) — Василія Федорова, что они, попы, укрывали раскольника Сергущку...⁶⁾ При Олонецкомъ архіерей Игнатіи, нѣкоторые попы явно сочувствовали — расколу, даже ходили въ раскольническіе свята мириться, за что и ссылаемы были въ монастырь, подъ пачаль⁷⁾... Что же касается мирянъ, то можно безошибочно сказать, что почти всѣ они, за немногими исключеніями, были на сторонѣ раскола...⁸⁾ Скажемъ только, что въ XVII вѣкѣ весьма сочувствовали расколу граждане Каргопольскіе... Въ томъ же житіи Корнилія Выговскаго упоминается одинъ изъ нихъ богачъ Урываевъ, защитникъ этого чернеца... «Слухъ о покровительствѣ раскола въ Каргополѣ — говорится въ житіи — дошелъ до Москвы. Въ Каргополь посланы были монахи Филофей и Сергій», — т. е. что-то въ родѣ нынѣшнихъ миссіонеровъ, разница развѣ въ томъ, что тогдашніе миссіонеры тысячнаго жалованья не получали и, по всей вѣроятности, ложныхъ отчетовъ о мнимомъ ослабленіи раскола не составляли... Филофей и Сергій, вѣроятно Кожеозерскіе пострепенники, тѣ самые, что провожали Никона съ мощами митрополита Филиппа (въ

¹⁾ Разказы изъ Исторіи старообрядчества, изданіе Кожанчикова, С.-Петербургъ 1861 г. стр. 23—24.

²⁾ «Разказы изъ исторіи Старообрядчества», стр. 146, 149. Исторія Выговской пустыни, стр. 27.

³⁾ См. мое описаніе этой пустыни въ «Христіанскомъ чтеніи», 1885 г., № 9—10.

⁴⁾ См. мое же описаніе «Кожеозерскаго монастыря», въ «Христіанск. чтеніи» за 1886 годъ № 1—2.

⁵⁾ «Исторія Выговской пуст.», стр. 76. Этотъ строитель былъ настоятелемъ въ 1727 г. См. мое описаніе Елгомской пуст. въ «Христ. чтеніи» за 1866 г., № 5—6.

⁶⁾ Доношеніе 1678—1683 г. находится въ архивѣ Каргопольскаго-Спасскаго монастыря.

⁷⁾ Тамъ же указъ Олонецк. консисторіи, отъ 8 марта 1834 года.

⁸⁾ Да не подумаетъ читатель, что мы обобщаемъ единичный случай или преувеличиваемъ событія... Доказательствомъ нашихъ доводовъ служатъ свидѣтели, на этотъ разъ, достовѣрные—греки православные, даже если хотите—сами восточные патріархи, бывшіе на Соборѣ 1667 г., которые выразились въ своей грамотѣ, между прочимъ, и о нашихъ архіереяхъ, такъ: «Обаче, за еже во здѣшнихъ странахъ великороссійскаго государства не быкоша архіереи... исправляти священническія распри и прочая, учинишася толки раскольники и мятешники, и возмутитиа все государство, и многія души поубиша, и амаль было не весь народъ прельстили и отъ православныя вѣры возвратили...» Последніе слова «и амаль было не весь народъ... отъ Православныя вѣры возвратили», и говорить краснорѣчиво и конечно въ нашу пользу». (Матер. для Истор. раск. т. II, стр. 247).

1652 г. ¹⁾), и потомъ жили въ Челменской пустыни (въ 50 верстахъ отъ Каргополя) ²⁾). И такъ въ Каргополь посланы были два монаха Филофей и Сергій, для увѣщанія непокорныхъ. Корнилій держалъ съ ними споръ. Дать бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ. «Молчи! «будто бы говорили ему посланные, хотя наша не права вѣра да быть тому времени такъ»... Понятно, что такіе и подобные иныя миссіонары не многихъ могли вразумить... «Оскорбить же злобно (Корвилія) ничѣмъ не смѣли, понеже обороняли и защищали его посадскіе, да пугменъ въ Каргополи же» ³⁾).

Теперь посмотримъ, какой получился выводъ отъ вышеупомянутыхъ гоненій—мученій раскольниковъ, боялись ли они мученій и, убоявшись, обратились-ли въ православіе?.. Крайность всегда порождаетъ другую крайность...

«Къ новинамъ мучительное обращеніе людіе видяще — говоритъ раскольниковскій быто писатель—больши тѣхъ удаются начаша, не могуще камо крытися, въ рудѣ же мучителемъ вдатися трепетаху.. и того ради овин гладомъ помираху, а овие въ водахъ утошяху, отъ лютого того гоненія и грознаго мучительства... Мнози же... собирахуся... при нашествіи мучителей и отъ яхъ сожигахуса, а овия, отъ ихъ наѣзду со оружіемъ и съ пушками, боящися ихъ мучительства, сами сожигахуса...» ⁴⁾).

Да, въ эти ужасныя времена гоненій доводили несчастныхъ до изступленія, хуже того—до самоубійства: самопожогенія, самосожиганія, и надъ ними же потомъ глумились и увѣряли, что самосожиганіе есть плодъ ученія старообрядцевъ... Конечно, есть немногіе намеки какъ бы на самовольное самосожженіе заблудшихъ, но эти самосожженія предпринимались уже никакъ не вслѣдствіе измышленнаго и навязаннаго иныя ученія, а по обольщенію нѣкоторыхъ проходивцевъ изъ корыстныхъ видовъ, которые, обобравъ имущество простодушныхъ, не имѣвшихъ добраго пастыря овецъ, сами всегда успѣвали бѣжать отъ самосожженія... Но и эти немногіе самосожиганія были тогда уже, когда иступились мечи мучителей, устали руки кнудодержателей, именно въ раннее царствованія Елизаветы, давшей нѣкоторую отраду заблуждавшимся... Но до нея положеніе притѣсняемыхъ, по причинѣ разныхъ настраиваній со стороны слѣшкомъ ужъ усердныхъ проповѣдниковъ, орудующихъ, вмѣсто слова увѣщанія — разъясненія, петлями, кнутами, срубамъ, дыбамъ и хомутамъ, было совершенно безысходное, что они и сами хорошо сознавали и что потрясало все существо ихъ, наводя на нихъ страхъ и ужасъ предъ дальнѣйшимъ продолженіемъ жизни ихъ въ этомъ мірѣ, въ коемъ нѣтъ ни «истины», ни правды, ни спасенія отъ порабоженія мнимому антихристу и тѣлесныхъ казаній... Впередъ больному, напряженному ихъ воображенію, представлялись разные муки, нѣкоторыми изъ нихъ уже испытанныя, и все-таки ужасныя, при одной мысли о которыхъ волосъ становился дыбомъ, эти муки могли не только поколебать ихъ твердость, но даже принудить отказаться отъ своей вѣры, значить, по ихъ мнѣнію, лишиться отрады въ будущей жизни... А въ ней-то и все назначеніе человѣка! Не дожидаться же, въ такомъ случаѣ, смерти отъ антихриста, послѣ предварительныхъ, притомъ тяжкихъ мученій отъ ревнителей не по разуму?!..

И несчастный, невѣжественный народъ жегся въ Каргопольскомъ уѣздѣ цѣлыми десятками и сотнями (а въ Палеостровскомъ монастырѣ и Пудожѣ—тогда Олонецк. у.— даже тысячами)... жегся съ пѣніемъ псалмовъ, въ бѣлыхъ погребальныхъ одеждахъ, со свѣчами воска яраго, сами яко свѣщи сожигались («...—Дыма и смрада исполнился земля русская отъ тѣлесъ человѣческихъ», говоритъ раскольниковскій писатель. Се не весямъ и монастырямъ токмо адамантъ бѣ отъ страдальцевъ, но и дебри возликоваху о праведницѣхъ, послужившихъ Господу... ⁵⁾) Больше совершилось самосожженій въ теперешнемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ, но мы обязаны перечислить тѣ изъ происходившихъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, которыя намъ извѣстны.

¹⁾ Христіанское чтеніе 1885 г. № 34 ст. прот. Николаевского о перенесенія мощей св. Филиппа, стр. 299.

²⁾ Христіанское чтеніе 1889 г. № 7—8, стр. 236—237.

³⁾ Разказы изъ исторіи Старообрядчества, стр. 23—24.

⁴⁾ Исторія Выговской пустыни Ивана Филиппова, стр. 25—26.

⁵⁾ Тамъ-же.

Первое самосожжение, описанное Выговскими историком Ив. Филиповымъ, было съ боряхъ, на Пормы (двѣ рѣчки сего имени: одна малая, другая большая Порма, впадаютъ въ рѣку Воложку; послѣдняя впадаетъ въ р. Онегу, съ правой стороны) въ пустыни. Высть въ собраніи старецъ Нижегородскій Андроникъ, «чернецъ» Іосифъ Соловецкій, Михаилъ и Іоаннъ—нѣкоторые мужи ревностные; съ ними много народа; всѣ около полугода были «въ запорѣ...» «Отъ города прѣйшло нѣсколько стрѣльцовъ со оружіемъ воинскимъ и со огненными снастями, яко же на пожарахъ... съ понятыми многолюдствомъ и съ Каргопольскими солдатами и съ подъячними и обступя часовню, хотяще всѣхъ живыхъ взяти... Іосифъ и... Андроникъ... бояся расхищенія и отъ благочестія отлученія... оныя же *зажгашеся* и отъ дыму падоша все ниць...» «Гонители... два или три бревна выбиша (у часовни) вонъ... Изъ огня начаша людей козотами волочити вонъ, и конхъ выволочать—водой отливаху, и ови оживаху. И наволочили изъ огня числомъ 60 человекъ; двухъ старцевъ—Андроника и Іосифа, да... молодыхъ мужиковъ и дѣвокъ, а достальные сгорѣли—Михаилъ и Іоаннъ еще со многими». Андроникъ же вскорѣ былъ замученъ въ Холмогорахъ, а Іосифъ былъ застрѣленъ 12 августа 1693 года при новомъ самосожженіи съ тысячною толпою, въ Пудогѣ...—Второе: «Въ боряхъ, на Пормы же—говоритъ выговскій историкъ—жили старовѣрцы, отъ Чажонги, отъ монастырскаго Выговскаго завода за тридцать поприщъ, оныя и написаны въ подушной окладъ нѣсколько душъ и платили въ Каргопольскую канцелярію; а подъ двойной окладъ за старовѣрство не положены: И за то обнесено въ Каргопольскую канцелярію и изъ канцеляріи посланы на нихъ посыльщики съ указомъ и съ понятыми—велѣно всѣхъ взяти скованныхъ въ Каргополь. И эти пустынножители, убояся, собралися въ часовню и заперлися ко страданію. И посыльщики пришли, указъ прочитали и стали говорить: «дайте намъ лучшихъ людей послать въ Каргополь, къ оправданію, а вы не горите». И оныя, по совѣту и по уговору, дали имъ изъ забору числомъ осмь человекъ и взявши ихъ скоро и послали за карауломъ въ Каргополь; а сами около заборныхъ поставили караулъ. И въ запорѣ иновъ Кириллъ да бѣлецъ Григорій, видѣвше оныхъ лукавство: еже дождавши прибавочной посылки хотяще восхитити ихъ всѣхъ и свести въ Каргополь, отъ нихъ не отступаютъ. И оныя въ запорѣ, бояся расхищенія и мукъ и отъ благочестія отступленія, храня древнее благочестіе, зажгошася огнемъ, и скончашася съ ними мужеска и женска пола до двухъ сотъ душъ, въ 1734 г. «А которыхъ свезли—поясняетъ Филиповъ—и тѣхъ принуждали къ новины своей всякими страхами и муками, и разспрашивали сбитіемъ и послали въ Новгородской разрядъ за карауломъ, и въ Новѣ градѣ вельми ихъ жестоко истязали допросами и битіемъ, и два человека преставилося, а третій старикъ ослѣпъ, учалъ не видѣти, и того держаша въ Богадѣльни за карауломъ. А пять человекъ свезли въ ссылку, въ дальные города, въ новостроенныя, на рубежъ» 2). Этотъ короткій разсказъ краснорѣчиво доказываетъ, почему именно заблуждавшіеся предпочитали самосожжение всѣмъ прочимъ сдѣлкамъ съ властями... Они хорошо знали и видѣли, какіе ужасы ожидали ихъ, въ случаѣ сдачи въ руки гонителей, и потому предпочитали лучше разомъ покончить, чѣмъ страдать неопредѣленное время, не надѣясь на лучшее будущее и, въ концѣ концовъ, пожалуй, еще отрѣчься отъ вѣры, слѣдовательно идти на вѣчную муку.

«Видъ пашу бѣду, се бо обмыдоша насъ лютии гонители, ищутъ насъ всѣхъ погубити и отъ благочестія отлучити».

«Аще попустился въ руки ихъ—приводить въ другомъ мѣстѣ Филиповъ разсужденія самосожгавшихся—на муки слатися, но боиися расхищенія собраннаго толкаго стада да не будемъ сынове погибели, ибо руки вражія мучительства и томленія готовы на пролитіе крови, на поруганіе христіанства. Мы немощны и слабы, того ради и не смѣемъ къ подлежащимъ мукамъ вдатися» 3). «Такъ же послѣ того

1) Стр. 45, 65—66 «Первая гарь».

2) Стр. 74—75 «Въ Каргопольскомъ уѣздѣ на пустомъ лѣсу».

3) Стр. 69.

подали, тамо близъ Моши (Мошенская волость въ 120 верстахъ отъ Каргополя), въ лѣсу, въ году» сожглись: 3) «Иванъ, порекломъ Соколъ, въ поставленной отъ нихъ хранины съ тридцать шестію душами въ запорѣ, въ разговорахъ съ гонители, единого въ окнѣ, прозваніемъ Козлова, гонители пострѣлили и, обступя начали добиваться въ хоромы, прочіи же огнемъ скончашася за древнее благочестіе». 4) «Да въ 240 (1732 года), за Канакшей (сельскій приходъ, въ 141 верст. отъ г. Каргополя) иѣкто мужъ именемъ Григорій, за древнее благочестіе, въ лѣсу, въ остроенной хранинѣ, отъ нашествія жителей, съ семидесяти съ пятию человекъи огнемъ окончашася». 5) Да тамо же, подали, въ пустыни, инокъ Гавріилъ, первобыный иѣкотораго монастыря строитель»—по нашему мнѣнію—сосѣдней съ Канакшей Елгомской пустыни, бывшій строителемъ въ 1727 г., ¹⁾—да Ив. Кирилловъ, Алексій и Козьма, съ двѣнадцатію душами, за древнее благочестіе отъ нашествія гонителей огнемъ скончашася ²⁾. Конечно, подобныхъ ужасныхъ самоожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ было не мало; но историкъ Ив. Филипповъ, какъ жившій вдали отъ Каргополя, не могъ всѣхъ знать, особенно болѣе или менѣе незначительныхъ, по числу погибшихъ жертвъ, записывая только болѣе страшно—извѣстныя—затѣмъ не могъ же онъ записывать самоожженій, бывшихъ послѣ его смерти... О иѣкоторыхъ же изъ другихъ самоожженій, память сохраняется только въ народномъ преданіи, надмогильныхъ холмахъ, въ раскольническихъ поминникахъ, или, наконецъ, въ кое-какихъ, случайно находимыхъ, служебныхъ письменныхъ памятникахъ... Но должно допустить, что иѣкоторыя самоожженія исчезли изъ памяти народной, погребены—такъ сказать—общимъ забвеніемъ, уцѣлѣвшіе еще не всѣ извѣстны въ печати или собирателямъ народныхъ преданій, наконецъ свѣдѣнія о иѣкоторыхъ изъ нихъ должны же находиться въ нашихъ мѣстныхъ архивахъ, какъ бы эти архивы малы ни были... Къ сожалѣнію, наши архивы свѣтскіе и монастырскіе мало доступны, какъ мы сами испытали, послѣдователямъ... Однако передадимъ, что знаемъ. Въ старообрядческихъ поминникахъ записаны слѣдующія самоожженія, совершившіяся въ тогдашнень Каргопольскомъ уѣздѣ: «Іоанна и иже съ нимъ; Никифора и иже съ нимъ; Аверкіи и иже съ нимъ, въ Янгорахъ» (теперь Кудожскаго уѣзда); «Евдокіи, Зиновіи, Агафіи и прочихъ, подъ Каргополею, инока Филарета, Алексія, Леонтія и прочихъ 40, за Канозеромъ» (озеро и приходъ одного имени, теперь находятся въ двухъ уѣздахъ—Каргопольскомъ и Пудожскомъ); «Теодора, Василія и прочихъ на Кученадѣ ³⁾ (деревня въ 20 верстахъ отъ Каргополя, Краснояжскаго прихода)...—И какъ просто эти «съ прочими» и «прочихъ», и «иже съ нимъ»; ни дать, ни взять поминники Грознаго, въ коихъ угрызаемый совѣстью царь записывалъ замученныхъ имъ безъ имени, прибавляя: «ихъ имена ты, вѣси, Господи». А сколько въ этихъ простыхъ словахъ горя людскаго, слезъ, крови, страданій, сколько силъ погублено, да и какихъ силъ?!.. Сколько народа, съ женами и домочадцами погибло, особенно въ виду самихъ распространителей той санои вѣры, которая учить любить всѣхъ, не только собственныхъ враговъ, но и враговъ этой вѣры, — погибло того именно народа, который сожигалъ самъ себя безъ остатку и, при томъ къ видному прискорбію начальниковъ, не дождалъ поимки»...

Вотъ, наконецъ, немногія свѣдѣнія о самоожженіяхъ заблудшихъ, происшедшихъ, повидимому, безъ всякихъ явныхъ мученій или поимокъ, а по обольщенію иѣкоторыхъ изувѣровъ или проходимцевъ, которые, обобравъ простодушныхъ, подговаривали ихъ къ самоожженію, съ тѣмъ, чтобы самимъ, при первомъ же возможномъ случаѣ, скрыться, что имъ, всегда или нѣтъ, и удавалось...

1) «Каргопольскаго уѣзда раскольники, изъ крестьянъ (какой волости и деревни—не сказано) Зайковъ и Климовъ, бѣжавъ, въ лѣсу построили избы и, подговоря, увели мужеска и женска полу 57 человекъ изъ крестьянъ же, которые... въ одной избѣ сожглись...» Это самоожженіе случилось не позже 1744 г. и стало из-

¹⁾ См. мое описаніе этой пуст. въ Христіанск. чтеніи за 1886 г. № 5—6.

²⁾ Истор. Выговской пуст., стр. 75—76.

³⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—69 г. ч. III, стр. 195.

вѣстныиъ даже сенату, который и предписалъ Новгородской губернской канцелярїи, а эта, въ свою очередь, воеводскимъ уѣзднымъ канцелярїямъ 1) разыскивать бѣглыхъ раскольниковъ Зайкова и Пригодина, которыхъ предполагали не сгорѣвшими; 2) «раскольническимъ старостамъ и сборщикамъ подтвердить наискрѣпчайше указами, чтобъ они... имѣли все прилежное стараніе, безъ отлагательства, а паче бѣ, дабы имѣющіеся раскольники сами себя не жгли (?!), въ томъ за ними имѣть все крѣпкое смотрѣніе и до того ихъ огню не допускать...» 31 октября 1745 г. — 2) «Олонецкаго уѣзда, раскольникъ, изъ крестьянъ Ефимъ Ивановъ, бѣжавъ изъ Олонецкаго... въ Каргопольскій уѣздъ (тогда эти уѣзды были смежны), въ Мошенской станъ въ Лимскую волость (въ 138 верстахъ отъ Каргополя) и подговоря, увелъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и тамо, отъ раскола (? sic.) въ избѣ прошедшаго іюня 11 дня, сгорѣли...» (Писано 23 ноября 1745 г.). Сколько здѣсь сгорѣло раскольниковъ—неизвѣстно, извѣстно только, что Ефимъ Ивановъ «до сгорѣнія оныхъ раскольниковъ дней за 10 ушелъ», сгорѣлъ его «товарищъ, раскольникъ же, Олонецкаго уѣзда Якимъ Матвѣевъ... съ прочими...» Этими, за недостаткомъ свѣдѣній, и заканчивается лѣтопись самосожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ за XVIII и можно бы сказать даже за XIX вѣкъ, еслибы подобный несчастный случай, съ сожалѣнію, не повторился даже въ наши дни... «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія цѣлыхъ тридцать человекъ (по словамъ другихъ только 15) Волосовской волости (въ 37 верстахъ отъ Каргополя) подъ вліяніемъ одного скрытническаго наставника, преступности котораго однако никто не доказывалъ... сожглись въ лѣсной избушкѣ близъ рѣчки Чучексы ¹⁾. Этотъ несчастный случай былъ въ лѣтнее время... Затѣмъ лѣтъ 15 назадъ горѣли опять въ той же Волосовской волости, на этотъ разъ уже тѣлеса скрытническія ²⁾... И въ этомъ видятъ нѣкоторые самосожженіе, но другіе утверждаютъ, что пожаръ учиненъ для сокрытія убійства и, кто правъ изъ нихъ — не знаемъ, и потому въ счетъ сего не кладемъ... Такимъ образомъ совершилось въ Каргопольскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, 14 самосожженій извѣстныхъ, погубившихъ многія сотни (а быть можетъ, и цѣлую тысячу) ни въ чемъ неповиннаго народа, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ былъ невѣжественнѣе—не знали даже (какъ и современники крестьяне)—кто такой Богъ, не знали самыхъ необходимыхъ молитвъ... А сколько погубило народа въ самосожженіяхъ неизвѣстныхъ (которыя мы будемъ стараться разувѣдать), сколько было замучено во время гоненій, сколько сослано, бѣжало, утопилось, умерло отъ голода и другихъ невзгодъ?.. А о томъ, чтобъ вразумить, забыли и не подумали...

И такъ какую же пользу принесли гоненіями? Обратили заблуждавшихся? или по крайней мѣрѣ, сократили ихъ число? и запугали ли другихъ, чтобъ бѣгали запретныхъ заблужденій?.. Ни то, ни другое, ни третье... (И теперь число чисто православныхъ приходовъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ не болѣе 4-хъ, но и въ тѣхъ уже появляются одиночки раскольники...) Плодомъ всѣхъ этихъ гоненій было то, что появились у мнимыхъ старообрядцевъ свои преподобные мужи, даже (доказательство — цѣлый воловскій патерикъ Ив. Филиппова сочиненія Мышенцаго)... и мученицы, появились свои многочисленные скиты, монастыри и пустыни... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій появился въ Каргопольскомъ уѣздѣ «свой» Филаретъ Милостивый, «своя» Великомученица Варвара» (дѣвушка, бѣжавшая отъ мучителей, или настигнутая и убитая въ лѣсной глуши Шожемскаго прихода, самаго удаленнаго отъ мірскихъ жилищъ (въ 150 верстахъ), стоящаго за лѣсами дремучими, болотами непроходимыми...) Вся окрестность на 100, на полтораста верстъ во всѣ стороны усердно чествовала ихъ память; сюда стекались поклонники, особенно поклонницы, преимущественно въ весенне-лѣтнее, какъ болѣе свободное время, разомъ цѣлыми сотнями... Здѣсь была устроена даже «пустынь» для ихъ пристанища и долго существовала она... Знаменитый же Чахоевскій скитъ (въ 82 верстахъ отъ Каргополя) былъ основанъ Выговцами еще въ

1) «Истор. Выговск. пуст.», стр. 138.

2) «Олонецк. Губерн. Вѣдомости», 1878 г., № 57.

1710 году... Въ концѣ концовъ получился такой выводъ: мучители, преслѣдуя за отпаденіе отъ церкви, лишались на всегда этихъ отпадшихъ, лишались многихъ членовъ ся; заблуждающіе же, ревнуя за обряды лишались даже самыхъ обрядовъ, напригѣръ безпоповцы—оставшись чуть ли не съ одними семью поклонами, такъ называемымъ «началомъ» по крайней мѣрѣ ихъ неграмотное большинство... Слѣдовательно обѣ стороны понесли убытки невознаградимые...

Карлз А. Докучаевъ-Басковъ.

Игра «со вьюномъ».

Записана в Новг. г., Тихв. у., д. Заборовье.

Как старыя пѣсни, так и игры нашего простаго народа, постепенно вытѣсняемыя новой, городской цивилизаціей из большихъ сел и мѣстечек — остаются в неприкосновенности только развѣ в самыхъ заходутныхъ уголкахъ, лежащихъ вдалекѣ отъ почтовыхъ дорогъ и фабрикъ. Уже слишкомъ извѣстно всѣмъ, и об этомъ не приходится распространяться, какъ хороходныя игры замѣняются в современной деревнѣ французской «кадрелью» или «ланце», правда, искаженными до невозможности. Эти новшества коснулись также и бесѣдныхъ игръ.

В одномъ изъ глухихъ уголковъ Новгородской губерніи, в Тихвинскомъ уѣздѣ, славящемся своими дѣсами, мнѣ удалось записать игру, которая, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ мало обращала на себя вниманіе собирателей пѣсенъ. Это—игра частая на посидкахъ, называемая «со вьюномъ» (т. е.—ходить со вьюномъ)

Мы имѣемъ варианты нѣкоторыхъ пѣсенъ, относящихся къ этой игрѣ, но записаны они не систематически и не точно. Отрывокъ одной изъ пѣсенъ записанъ покойнымъ М. А. Колосовымъ ¹⁾, затѣмъ у Якушкина находимъ, правда нѣсколько далекіе, варианты къ 2-мъ пѣснямъ. Затѣмъ у Шейна мы натываемся на нѣчто странное: в этомъ богатомъ сборникѣ, или по небрежности редактора, или по личному незнакомству его с игрой, или наконецъ по чисто мѣстнымъ условіямъ—за пѣ в цѣлаго ряда пѣсенъ игры «со вьюномъ» помѣщенъ почему-то в разрядѣ хороходныхъ игровыхъ пѣсенъ в описаніи игры «занька» (стр. 141 и сл. № 93, изд. 70 г.), тогда какъ надо замѣтить, что «занька» играется часто в хороходѣ, а «со вьюномъ» ходятъ на бесѣдахъ, и спутать эти двѣ игры нельзя. Далѣе же в томъ же сборникѣ уже подъ заглавіемъ «хороходныя разводныя» пѣсни мы находимъ нѣсколько вариантовъ къ тѣмъ же пѣснямъ об игрѣ «со вьюномъ».

Такова исторія этихъ пѣсенъ у нашихъ собирателей. Здѣсь ниже постараемся привести всѣ возможные пѣсни этой игры, извѣстныя намъ.

Какъ сказано, пѣсни эти поются на бесѣдахъ. Обыкновенно в зимніе долгіе вечера молодежь со всей деревни навиваетъ в складчину избу, с обязательствомъ за уступку имъ этого помѣщенія отжать опредѣленное количество ржи, овса или какого нибудь другого хлѣба. Парни покупаютъ свѣчи или керосинъ, если в избѣ есть лампа. Всѣ участники собираются на посидку и когда уже значительно умяются «метелицей» или новымъ «ланце», то переходятъ къ играмъ, не требующимъ такъ много движенія. Тутъ по большей части и играютъ «со вьюномъ».

Всѣ разсуживаются по лавкамъ, дѣвушки запѣваютъ обычныя в этой игрѣ пѣсни; выходитъ на средину пѣбы паренъ и вызываетъ в половинѣ пѣсни дѣвушку.

Всѣ поютъ:

¹⁾ Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи в области сѣверно-восточнорусскаго нарѣчіи в Сиб., 1877, стр. 163. Отрывокъ въ 6 стиховъ. Олон. губ.